

Существование общей архитектурной теории вызывает серьезные сомнения у большинства исследователей. Исходя из предположения, что современный этап развития архитектуры требует построения работоспособной теории, в статье рассмотрен процесс создания теории аналогично созданию архитектурного проекта. Показано сходство аксиоматического базиса теории с фундаментом здания. Комплекс специфических методов анализа и синтеза в теории рассмотрен как аналог строительных материалов и деталей в архитектурном проекте. Подключение здания к инфраструктурным сетям аналогично согласованию подходов проектируемой теории с современными общенаучными концепциями и парадигмами. Оформление теории в виде ярких наглядных образов аналогично оформлению фасадов облицовкой и строительной косметикой. Показано, что фундамент архитектурной теории был заложен в позднем Средневековье и сохраняет свою актуальность и релевантность. Остальные элементы проектируемой архитектурной теории нуждаются в разработке.

Ключевые слова: архитектура; теория; методология; история; Средневековье; современность.

The existence of a general architectural theory is seriously doubted by most researchers. Based on the assumption that the modern stage of architecture development requires the construction of a workable theory, the article considers the process of creating a theory similar to the creation of an architectural project. It is shown that the axiomatic basis of the theory is similar to the foundation of a building. The complex of specific methods of analysis and synthesis in the theory is considered as an analogue of building materials and details in an architectural project. The connection of the building to infrastructure networks is analogous to the harmonisation of the approaches of the designed theory with modern general scientific concepts and paradigms. Shaping of the theory in the form of vivid visual images is similar to the design of facades with cladding and building cosmetics. It is shown that the foundation of architectural theory was laid in the late Middle Ages and retains its relevance and topicality. The other elements of the designed architectural theory need to be developed.

Keywords: architecture; theory; methodology; history; Middle Ages; modernity.

К проекту теории архитектуры / To the project of architectural theory

текст

Константин Лидин
Федерация «Союз соотечественников» (Болгария) /

text

Konstantin Lidin
Federation of Fellow
Citizens (Bulgaria)

Введение

Как многие часто используемые слова, слово «теория» образует размытое поле смыслов, а порой используется и вовсе без определенного смысла (например, многочисленные «теории заговора»). Между тем у этого слова имеется вполне почтенная биография и вполне определенное значение.

Теория в своем изначальном понимании противостоит понятию «идея», и это противостояние восходит к спору двух величайших мудрецов античности – Платона и Аристотеля. Согласно Платону, наблюдаемый нами физический мир и мы сами есть лишь искаженное и упрощенное отражение реального мира идей. Все, что мы полагаем реальностью, – это тени идеальных вечных сущностей. Конечной целью познания является отбрасывание случайных частных, за счет чего и происходит приближение к абсолютной идее. Задачей архитектора, таким образом, является поиск представления о вечном и совершенном здании, здании как таковом, к абсолютной идее здания – не привязанной к какому-либо стилю, времени или месту. Палладио, формулируя канон классицизма, искренне полагал, что заканчивает работу Витрувия по выработке абсолютной и конечной формулы пропорций идеального строения. Правда, сам он в своих проектах нередко отклонялся от собственных «вечных и абсолютных правил», но ведь и виллы он строил не для «идеального человека», а для реальных заказчиков.

Аристотелевский подход основан на признании физической реальности. Познание, согласно Аристотелю, заключается в выявлении логических законов, объединяющих отдельные феномены и явления в некие системы. Аристотелев метод порождает не идеи, а теории, которые вовсе не идеальны и поэтому многочисленны. Существует множество способов обобщения фактов физической реальности и, соответственно, множество теорий. Современное состояние архитектуры, в которой одновременно развивается множество разнородных течений и направлений, – вполне аристотелевское явление.

Короче говоря, Платон предлагает изучать мир таким, какой он должен быть, а Аристотель – таким, какой он есть. Платоновская «идея» – это образ реальности

в своем очищенном (идеальном) виде. Аристотелевская «теория» – это логическая структура, объединяющая реальные факты в непротиворечивую общую картину. Именно поэтому теория (в отличие от идеи) способна предсказывать развитие физической реальности, ее изменения в будущем времени. Предикторские свойства являются наиболее ценным качеством хорошей теории, потому что позволяют подготовиться и войти в будущее без ненужных потерь. При наличии работоспособной теории будущее перестает быть тайной, исполненной загадок и сюрпризов, а становится планомерным и ожидаемым.

Работоспособная теория: как она устроена

Построение любой теории чем-то схоже с архитектурным проектированием. Теория (в отличие от идеи) говорит о свойствах физической реальности и предназначена для описания и преобразования этой самой реальности. Если идея содержит смысл в самой себе, то теория – это в конечном счете инструмент для решения практических задач. Но для того, чтобы этим инструментом можно было пользоваться, теория должна быть построена по определенным правилам – точно так же, как пригодное для жизни здание можно спроектировать лишь при соблюдении целого комплекса правил и ограничений [1].

«Фундаментом» любой теории служит **аксиоматический базис** – основные понятия и положения, принимаемые за основу без доказательства. Чем более четкие, ясные и логичные определения положены в основу теории, тем меньше возможностей для спекуляций, произвольного толкования и прочих игр ума – но тем больше практической пользы. Слабый фундамент при строительстве тоже позволяет произвести многочисленные махинации, например на его заливку можно списать произвольное количество кубических километров бетона – все равно никакая инспекция не проверит. Но в случае землетрясения строение обнаружит слабость своего базиса.

Аналогом строительных материалов, которые используются в архитектурном проекте, являются **методы формулирования и верификации гипотез**, которые используются при построении теории. Гипотеза (предположение, допущение) – это логическая конструкция,

которая объясняет имеющиеся факты но, в отличие от аксиомы, требует проверки (верификации). Гипотезы проверяются в эксперименте – в ситуации, результат развития которой предсказывает гипотеза. Если реальный ход событий совпадает с предсказанием, гипотеза считается доказанной.

Существуют методы выдвижения гипотез, принятые во многих науках (так же, как бетон, кирпич или металл используются во многих проектных задачах). Например, логика и ее специальный язык – математика – находит основное применение в большом комплексе наук, обычно называемых «естественными». В этот комплекс входят старые, уважаемые научные области, такие как физика, химия, астрономия, но также и молодые – информатика, кибернетика, и совсем оригинальные, как библиометрия.

Гуманитарные науки чаще используют интуитивные и эмоционально-образные методы – метафоры, аналогии, эмпатические и эстетические приемы (аналог природных материалов – дерева, глины, самана или бамбука в строительстве). Специфические методы гуманитарных наук менее формализованы, более расплывчаты, и результат их использования сильнее зависит от субъективных качеств исследователя. За это представители «естественных» наук относятся к ним несколько свысока, обзывают «неестественными» и даже «противоестественными» и вообще отказывают в научности. Тем не менее четкой границы между логическими и интуитивными методами

нет. Развитая фантазия и образное мышление так же необходимы физика, как социологу необходима логика.

Научные дисциплины, изначально ориентированные на практику, обычно используют множество методов. «Чистота» методологического подхода не так важна, как практический результат, поэтому в экономике, педагогике, военном деле, а также в архитектуре применяются и математические расчеты, и поэтические озарения.

Архитектурный проект предполагает подключение здания к инфраструктурным сетям – электрическим, водопроводным, канализационным и т. д. Продолжая аналогию, мы обнаруживаем еще один необходимый элемент работоспособной теории, а именно – ее **связь с общенаучными концепциями и представлениями**. Наука в целом прогрессирует (хотя и медленнее, чем некоторые отдельные научные дисциплины), так что отказ от использования современных общенаучных концепций может превратить теорию в анахронизм уже в момент ее проектирования. Например, современная наука уже не может игнорировать концепцию информации как важного аспекта материального мира. Попытка построить теорию, в которой не используется понятие информации похожа на архитектурный проект многоэтажного дома с дровяным отоплением и водоснабжением из колодца во дворе. Не то чтобы такой проект был совсем невозможен, но и в сугубой оригинальности ему не откажешь.

^ Рис. 1. Скульптура, изображающая Аристотеля, – деталь экстерьера собора в Шартре (конец XII – начало XIII века). Философ изображен трудолюбиво склонившимся над рукописью. Метод Аристотеля привязан к практике / Sculpture depicting Aristotle, a detail of the exterior of the cathedral in Chartres (late 12th – early 13th centuries). The philosopher is depicted leaning industriously over a manuscript. Aristotle's method is tied to practice

^ Рис. 2. Надгробная плита архитектора города Реймса Хьюга Либерже (Hugues Libergier), 1263. Архитектор изображен в классической традиции, обычно так изображали королей, епископов и святых. В руках архитектор держит макет церкви Св. Николая – канонический элемент иконографии библейского царя и пророка Соломона, строителя иерусалимского храма / Tombstone of Hugues Libergier, architect of the city of Reims, 1263. The architect is depicted in the classical tradition, in which kings, bishops and saints were usually represented. In his hands the architect holds a model of the church of St Nicholas, a canonical element of the iconography of the biblical king and prophet Solomon, the builder of the Jerusalem temple

Наконец, аналогией облицовочных материалов и строительной косметики является **оформление теории** – яркие, лаконичные и запоминающиеся формулировки ее основных положений. Например, таким свойством обладает знаменитая формула Эйнштейна «е равно эм це квадрат». Концепция эквивалентности массы и энергии сто лет назад буквально перевернула наши представления о реальности, изменила образ жизни, создала чудовищное оружие и новую энергетику – и все это «упаковано» в изящную и компактную форму из трех букв и двух знаков.

В гуманитарных науках также можно обнаружить блестящие примеры лаконичного оформления сложных и глубоких теоретических концепций, например теория этногенеза Льва Гумилева. Лев Николаевич не напрасно был сыном двух великих поэтов Серебряного века (кстати, название этого периода в русской литературе, по легенде, придумал именно Лев Гумилев). Мощный поэтический образ сгустка космической энергии, падающего на Землю и побуждающего народы к всплеску пассионарности, – одна из самых ярких и концентрированных формул историософии.

Теория архитектуры: что есть, а чего нет

Современное состояние того, что можно было бы назвать «теорией архитектуры», мало похоже на законченное и пригодное для жизни строение. Основные понятия аксиоматического базиса архитектуры – это понятия места и тектоники. У каждого из них есть множество производных понятий (объем, пространство, ландшафт, пейзаж, ритм, пропорции, силуэт, свет, цвет и т. д.). Аксиоматический базис архитектуры, по-видимому, был заложен очень давно, около тысячи лет назад. В эпоху позднего, или высокого, Средневековья пышно расцвели схоластические методы познания. Логика высказываний, опираясь на авторитет Библии, претендовала на роль «теории всего», универсального способа описания и управления развитием всех без исключения сторон жизни человека и общества. Именно тогда, в конце XII – XIII века, на фоне расцвета готики появляется фигура профессионального (городского) архитектора. Это был человек, выбившийся из низов и универсально образованный, прошедший все этапы профессиональной подготовки – от подмастерья до руководителя стройки. Его статус был высок, как никогда раньше или позже. Когда в 1263 году умер архитектор города Реймса Хьюг Либержье, его изображение было увековечено на могоильной плите в церкви Сен-Никез, рядом с погребениями епископов и королей (в 1800 году плита была перенесена в интерьер Реймского собора), – честь неслыханная и почти невозможная для тех времен. Архитекторы позднего Средневековья ощущали свою ответственность не перед людьми или перед городом. Их судьей и мерой ответственности был сам Господь, и свои творения они поверяли самым высоким из всех возможных уровней [2]. Фундамент архитектурной теории, таким образом, выглядит достаточно прочным и прошедшим проверку временем.

В последующие века базовые понятия архитектурной теории постоянно обсуждались и совершенствовались. Понятие тектоники и сегодня занимает устойчивое место в ряду концепций, связанных со структурой, – через теоретические модели XIX века, взгляды конструктивистов и вплоть до теории систем, структуралистской социологии и информатики [3, 4].

К сожалению, ничего подобного нельзя сказать о правилах формулирования и верификации гипотез в архитектурной теории. Здесь все, как правило, получается наоборот: талантливый и энергичный практик находит возможность реализовать свои фантазии, а критики и теоретики задним числом объясняют «успех» или «неуда-

чу» этого проекта. Таким образом, например, в архитектуру вошел деконструктивизм – сначала были реализованы первые проекты Захи Хадид и Фрэнка Гери, и лишь десять лет спустя возникла «теория», использующая философию Деррида и Лиотара для объяснения нового стиля [5].

Связи архитектуры с общенаучными теориями сегодняшнего дня также не выглядят достаточно живыми. Возможно, это объясняется раздробленностью современной научной картины мира, разделенной на множество фрагментов – так же, как научное сообщество разделено на множество сект и группировок, которые сражаются насмерть за гранты и корпоративное финансирование. Тем не менее остается очевидным, что ведущие научные идеи сегодняшнего (и, вероятно, завтрашнего) дня связаны с тем, как законы микромира проявляются в макроскопическом масштабе. Так, Нобелевские премии по физике и химии этого года получили работы, связанные с проявлением квантовых эффектов в свойствах тел «человеческих размеров» (кстати, один из лауреатов – наш соотечественник А. Екимов). Нобелевскую премию по медицине уже не в первый раз получили генетики – создатели антивирусных вакцин нового типа с искусственной ДНК.

Есть ли основания полагать, что теория архитектуры активно использует новейшие идеи о связях микроструктур с макроскопическими свойствами объектов архитектуры? Можно ли найти аналоги исследованиям генетического кода мегаполисов? Являются ли мейнстримом теоретические модели, трактующие связь между микроструктурой строительных материалов и уровнем комфорта в жилом комплексе? Скорее всего, ответ на подобные вопросы будет отрицательным [6].

Еще меньше позитивного можно сказать относительно популяризации архитектурных теорий. Большинство из них формулируются нарочито тяжелым, усложненным языком и всячески избегают ясных и наглядных образов.

Техническое задание на проект архитектурной теории

Представим себе, что в один из дней архитекторам надоело опираться на теоретические модели, существовавшие в лингвистике, социологии, биологии и т. д. Устав занимать комнаты в чужих «теоретических домах», они решили построить свой собственный. Как могла бы выглядеть полноценная, работоспособная теория архитектуры? Попробуем сформулировать «техническое задание» на создание такой теории, продолжая аналогию с архитектурным проектом.

1. «Площадка под застройку» будущей теории – это ее место среди прочих наук. Очевидно, что теория архитектуры должна располагаться в месте пересечения целого ряда естественных и гуманитарных дисциплин. Строительная физика, химия и биология остаются обязательными элементами общей теории архитектуры (по крайней мере до тех пор, пока строительство не стало полностью виртуальным). С другой стороны, социология, история, психология архитектуры также не должны быть забыты. Такое «соседство» неизбежно предопределяет использование самых разнообразных научных концепций и методов – «методологический пуризм» неуместен. Для этого собственный аксиоматический базис архитектурной теории должен быть достаточно универсальным, и он такой и есть.

2. Масштаб будущего «строения» должен быть достаточно обширным, ведь в рамки будущей теории должны помещаться все архитектурные стили, направления, эстетические системы всех эпох и всех народов. Получается что-то вроде жилого дома на тысячу квартир плюс офисные и служебные помещения (те разделы теории, которые занимаются ее собственным развитием, оформлением и популяризацией). Теория не должна

> Рис. 3. Претензии классицизма на создание идеальной архитектуры встречают естественное сопротивление, в том числе в виде иронического псевдоподражания. «Перевернутый дом» (Wonder Works) в городке Пиджен-Фордж, Теннесси, США. Строгий неоклассический фасад в витрувианском стиле создает комическое впечатление. Вокруг дома создана легенда, согласно которой раньше дом стоял как положено и в нем размещалась лаборатория по управлению торнадо. Но однажды подопытный вихрь вырвался на волю и перевернул дом вверх ногами. Скептическая и реалистичная традиция Аристотеля имеет больше шансов стать основой архитектурной теории, чем пафосный идеализм Платона /

Classicism's claim to perfect architecture meets natural resistance, including the form of ironic pseudo-imitation. WonderWorks' "upside-down house" in the town of Pigeon Forge, Tennessee, USA. The austere neo-classical facade in Vitruvian style creates a comic impression. A legend has been made up about the house, according to which the house used to stand as prescribed, housing a tornado control laboratory. But one day a test vortex broke loose and turned the house upside down. The sceptical and realistic tradition of Aristotle has a better chance of becoming the basis of architectural theory than the pathos idealism of Plato

допускать какой-либо оценки различных архитектурных явлений. Никакой сегрегации или дискриминации – все жильцы равноправны и не делятся на «хороших» и «плохих». Даже если некоторые жильцы не любят кого-то из своих соседей или делают заявления о своей исключительности, общая теория архитектуры не может иметь «любимцев».

3. Значительный объем и разнообразие будущих «квартир» делает необходимой продуманную, ясную и четкую систему навигации, т. е. классификацию архитектурных стилей и направлений. Подобно таблице Менделеева, такая классификация должна не только фиксировать связи между существующими стилями, но и предсказывать возникновение новых стилей и направлений. Она должна представлять собой не законченную, неподвижную структуру, а скорее метод, позволяющий наращивать новые «квартиры» по мере надобности.

Заметим, что жгучая потребность в такой «периодической таблице архитектурных стилей» особенно остро ощущается сейчас, в период стремительного роста числа таких стилей.

Заключение

Реализация проекта построения архитектурной теории (как и любого другого проекта) предполагает наличие платежеспособного заказчика. Дождется ли архитектура такого донатора – большой вопрос. Тем не менее, подобно многим другим архитектурным проектам, этот может развиваться и обсуждаться даже при отсутствии специального финансирования. История архитектуры знает множество примеров, когда фантастические и, казалось бы, невозможные «бумажные» проекты находили неожиданные пути к реализации.

Почти двести лет назад Н. В. Гоголь с присущей ему тонкой и глубокой интуитивной чувствительностью писал: «Терпимость нам нужна; без нее ничего не будет для художества. Все роды хороши, когда они хороши в своем роде. Какая бы ни была архитектура: гладкая массивная египетская, огромная ли, пестрая индусов, роскошная ли мавров, вдохновенная ли и мрачная готическая, грациозная ли греческая – все они хороши, когда приспособлены к назначению строения; все они будут величественны,

когда только истинно постигнуты» [7, с. 64]. Распад единого стилистического мейнстрима в архитектуре сегодняшнего дня заставляет думать, что эклектичное разнообразие сделает актуальными поиски путеводителя, теоретического ориентира в море стилей. И проект архитектурной теории получит шанс на реализацию.

Литература

1. Поппер, К. Логика научного исследования. – Москва : Республика, 2004. – 447 с.
2. Пановски, Э. Idea. К истории понятия в теориях искусства от античности до классицизма / перевод с нем. Ю. Н. Попова. – Изд. 2-е, испр. – Санкт-Петербург : Андрей Наследников, 2002. – 237 с.
3. Розенберг, А. В. Общая теория проектирования архитектурных сооружений. – Москва : Планхозгиз, 1930. – 210 с.
4. Анвин, С. Основы архитектуры. – Санкт-Петербург : Питер, 2012. – 272 с.
5. Прак, Н. Л. Язык архитектуры. Очерки архитектурной теории / перевод с англ. Е. Ванеян. – Москва : Изд. дом «Дело», 2018. – 288 с.
6. Кавтарадзе, С. Анатомия архитектуры. Семь книг о логике, форме и смысле. – Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. – 2-е изд. – 472 с.
7. Гоголь, Н. В. Полное собрание сочинений: в 14 т. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1952. – Т. 8. – 810 с.

References

- Gogol, N. (1952). *Polnoe sobranie sochinenij v 14 t. Tom 8. Statji* [The complete works in 14 volumes. Vol. 8. Articles]. Moscow: Academy of Science Printing House.
- Kavtaradze, S. (2016). *Anatomia arhitektury. Sem knig o logike, forme i smysle* [Seven books about Logics, Form and Sense]. Moscow: High School of Economics Printing House.
- Panofsky, E. (1968). *Idea: A Concept in Art Theory*. Columbia, SC: University of South Carolina Press.
- Popper, R. K. (2014). *The Logic of Scientific Discovery*. Singapore: Martino Fine Books.
- Prak, N. L. (2019). *The language of architecture. A contribution to architectural theory*. Berlin: De Gruyter Mouton.
- Rozenberg, A. (1930). *Obshchaja teorija projektirovanija arkhitekturnih sooruzhenij* [Common theory of designing architectural objects]. Moscow: Planhozgiz
- Unwin, S. (2020). *Analysing Architecture: The universal language of place-making (Analysing Architecture Notebooks)* (5th ed.). Abingdon: Routledge.